

УДК 78.072.3

ПЕРВАЯ ЭТНОГРАФИЧЕСКАЯ ВЫСТАВКА В МОСКВЕ И ЕЕ РОЛЬ В ЗАРОЖДЕНИИ И РАЗВИТИИ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ МУЗЫКАЛЬНО-ФОЛЬКЛОРИСТИЧЕСКОЙ НАУКИ

Смирнов Д.В.

*ФГБОУ ВПО «Московская государственная консерватория (университет)
имени П.И. Чайковского», Москва, e-mail: smrndv@mail.ru*

Работа посвящена важнейшему в истории русской музыкальной фольклористики периоду, связанному с переходом во второй половине XIX века исследований народной музыки от отдельных энтузиастов к крупным научным учреждениям. Происходившие в стране в 1860-х годах глубокие общественно-экономические изменения вызвали всплеск научной и просветительской активности, который сопровождался появлением в большом количестве в России новых организационных структур в виде ученых обществ. В статье показана основополагающая роль московского Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии (ОЛЕАиЭ) в организации работы по собиранию, изучению и распространению памятников народной культуры, дана характеристика собирательской программы ОЛЕАиЭ как основы для дальнейших экспедиционно-полевых изысканий, осуществлен анализ доклада А.С. Владимирского на этнографической выставке в Москве – первого в России энциклопедического обзора по народным музыкальным инструментам, созданного в недрах научной организации. В заключении работы сделаны выводы о значительной роли Этнографической выставки 1867 года в истории отечественной науки о музыкальном фольклоре, обусловленной целым рядом факторов. После проведения выставки при Обществе был образован Этнографический отдел – новая организационная единица, органично влившаяся в структуру Общества. В ходе выставки был собран корпус этнографических материалов, налажены контакты с научными обществами и комитетами как в Москве, Петербурге, так и на местах. С момента проведения выставки зарождавшаяся отечественная наука о музыкальном фольклоре оказалась вовлеченной в широкий контекст изучения народной традиции в целом и получила мощный импульс для последующего развития.

Ключевые слова: история музыкальной фольклористики, музыкальные инструменты, этнография

THE FIRST ETHNOGRAPHIC EXHIBITION IN MOSCOW AND ITS ROLE IN THE ORIGIN AND DEVELOPMENT OF THE DOMESTIC ETHNOMUSICOLOGY

Smirnov D.V.

Moscow P.I. Tchaikovsky Conservatory, Moscow, e-mail: smrndv@mail.ru

The work is devoted to the most important in the history of Russian ethnomusicology period associated with the transition of research of folk music enthusiasts from the individual to the scientific institutions in the second half of the XIX century. Place in the country in the 1860s, the social and economic changes have caused a wave of scientific and educational activity, which was accompanied by the appearance of a large number of scientific societies in Russia. The paper shows the fundamental role of the Moscow Society of Natural Science, Anthropology and Ethnography (OLEAiE) in the organization of work on the collection, study and dissemination of folk culture, presents the characteristics of the collecting program OLEAiE as a basis for further expedition and field surveys, presents an analysis of the report by A.S. Vladimirsky an ethnographic exhibition in Moscow – the country's first encyclopedic review of the popular musical instruments created in the depths of the scientific organization. The article made conclusions about the significant role of an ethnographic exhibition of 1867 in the history of Russian science of folk music. After the Exhibition Ethnographic Department was established – the new organizational structure of the OLEAiE. There was also collected body of ethnographic materials, and established contacts with scientific societies and committees in Moscow, St. Petersburg, and in the field. Since then, the domestic ethnomusicology was involved in the broader context of the study of folk traditions in general, and received a powerful impetus to further development.

Keywords: history of ethnomusicology, musical instruments, ethnography

Одна из важнейших страниц истории изучения музыкального фольклора связана с переходом исследований народной музыки от отдельных специалистов к научным учреждениям. Такими учреждениями в XIX веке стали научные общества, в значительной мере способствовавшие оформлению и развитию целого ряда дисциплин как самостоятельных направлений. Особенно интенсивно научные общества стали появляться после 1861 года, когда «в России наступил период всестороннего общественно-политического и общекультурного подъема, обусловленного глубокими обще-

ственно-экономическими изменениями» [6, 175]. В результате, уже во второй половине XIX века только в Москве насчитывалось несколько десятков таких обществ.

До определенного момента большинство научных обществ существовало в отрыве друг от друга. Картина резко изменилась, когда культурную жизнь Москвы возглавили две крупнейшие организации: Московское археологическое общество, основанное в 1864 году, и Общество любителей естествознания, антропологии и этнографии (ОЛЕАиЭ), образованное

в 1863 году при Московском университете [1, 128]. Деятельность этих двух обществ (между ними существовали многосторонние связи) во многом способствовала координированию работы многочисленных организаций на периферии.

Организационная структура ОЛЕАиЭ, явившегося родоначальницей Музыкально-этнографической комиссии (МЭК), на первых порах не предполагала проведения каких-либо специальных исследований в области музыкального фольклора. С 1867 года Общество включало лишь три отдела – отдел естествознания, антропологический отдел, этнографический отдел. Постепенно внутри ОЛЕАиЭ возникали все новые структурные единицы, разрабатывавшие самостоятельные направления и дисциплины (в том числе музыкальную фольклористику) в рамках уже оформившихся научных отраслей. В результате его структура стала отражать все многообразие научной мысли того времени.

Вновь зарождавшиеся отделы и комиссии во многом следовали сложившимся внутри Общества традициям, ориентируясь на его установки, методы исследований, организационную структуру. В этом отношении Музыкально-этнографическая комиссия не была исключением – в своей работе она многое восприняла из опыта Этнографического отдела ОЛЕАиЭ, в недрах которого была образована при живейшем участии В.Ф. Миллера [2, 144].

Демократическая направленность ОЛЕАиЭ проявилась в стремлении сделать доступными и понятными для широкой публики последние научные достижения [8, 8]. Это, в свою очередь, наряду с традиционными собраниями кружков просвещенной интеллигенции привело к появлению всевозможных форм просветительской работы. На протяжении 1860–1890-х годов при участии ОЛЕАиЭ было организовано четыре выставки: этнографическая (1867), политехническая (1872), антропологическая (1879) и географическая (1892). В связи с открытием в Москве этнографической выставки в Обществе впервые прозвучал вопрос о необходимости изучения народной музыки.

Знаменитая Этнографическая выставка, организованная ОЛЕАиЭ, стала заметной вехой в формировании музыкальной фольклористики как научной отрасли. Ее проведение должно было по замыслу организаторов способствовать «обеспечению правильного систематического преподавания» [9, II] в Москве сразу нескольких предметов, в число которых входили ан-

тропология, этнография, прикладное естествознание.

Для сбора экспонатов был разработан специальный план проведения экспедиций. Однако вследствие нехватки средств основной упор в получении необходимых для выставки материалов делался на местные органы управления, губернские статистические комитеты, отдельных лиц. Практически во все крупные города России были разосланы «Правила для экспонентов русской этнографической выставки» – первая собирательская программа Общества [7, 43].

«Правила» дают ясное представление и о том месте, какое отводилось на первых порах со стороны ОЛЕАиЭ изучению народной музыкальной культуры. Удельный вес народного музыкального творчества был невелик. Музыкальные инструменты рассматривались в первую очередь в качестве «типической декорации» для характеристики отдельных народностей, а не как средство исполнения и, тем более, как объект научного изучения. В «Правилах» ни слова не было сказано о необходимости осуществления обмеров музыкальных инструментов, описаний их строя и, тем более, приемов игры, репертуара исполнителей.

В результате рассылки на места «Правил», из регионов было получено некоторое количество музыкальных инструментов. Они составили сравнительно небольшую, но редкую по тем временам для России коллекцию. Музыкальные инструменты были показаны вместе с другими экспонатами, такими как лубочные изображения XVII века (в том числе Распятые, Ярославские угодники, Николай Чудотворец, Казанская Божья мать, Благовещение Пресвятой Богородицы из коллекции профессора Московского университета Н.С. Тихонравова) [9, 18]. Неподалеку в группе якутов находились фигура шамана, «ударяющего в бубен и главные принадлежности шаманства» [9, 17].

Новой формой работы, использованной во время проведения Этнографической выставки, явились так называемые «объяснительные чтения», которые были приурочены к ее открытию. Они представляли собой лекции просветительского характера, предназначенные для московской «образованной аудитории», пестрой и разнообразной по своему составу.

Прозвучавшие сообщения отличались разнообразием. Авторами были крупнейшие ученые, работавшие в различных областях научного знания. Характер «объяснительных чтений» свидетельствовал

о стремлении организаторов выставки донести до любознательных слушателей весь спектр явлений народной культуры в их взаимосвязи.

Включение доклада профессора Московского университета А.С. Владимирского «О законах музыкальной гармонии и национальных инструментах, доставленных на этнографическую выставку» [4] в ее «парадную часть» было на редкость удачным. Прочитанный непосредственно перед открытием выставки он привлек значительное количество заинтересованной публики, принадлежащей к самым различным слоям русского общества.

Доклад Владимирского резко отличался по тематике от остальных, несмотря на то, что народное музыкальное искусство рассматривалось им многоаспектно, как, впрочем, и народная культура, трактованная в середине XIX века в виде сложной системы, охватывавшей целый комплекс явлений в их взаимосвязи.

Доклад состоял из двух разделов. Первый из них был посвящен проблемам музыковедения в целом. Собственно музыковедческий подход проявился в попытках Владимирского трактовать полученный материал сквозь призму широкого круга проблем из области эстетики, музыкальной акустики, психологии слухового восприятия с привлечением данных музыкальной теории, гармонии, инструментоведения.

Этнографическая сторона доклада была связана с показом самих народных инструментов в виде подлинников, полученных непосредственно с мест бытования. Главное внимание было уделено их конструкции, включая описания не только важнейших звукообразующих частей, таких как резонатор, гриф, струны, но и внешнего вида корпуса со всеми украшениями, резьбой. В меньшей степени Владимирским были освещены особенности исполнительской игры. В отдельных случаях в доклад были включены описания живого звучания народной музыки.

В основе классификации музыкальных инструментов, предложенной Владимирским, лежит принятое в настоящее время деление их на группы в соответствии с источником звуковых колебаний и способом звукоизвлечения.

Первое место в обзоре народных инструментов Владимирского было отведено ударным идиофонам. Докладчиком были продемонстрированы: *алеутский кастаньет* (его конструкция состояла из деревянного обруча, к которому были подвешены птичьи клювы), инструменты, употребляе-

мые при буддийском богослужении – *сельнимы* (тарелки) и *хон-хо* (бронзовый колокольчик) из Забайкальской области.

Среди струнных были показаны смычковые (пять «киргизских *кобызов*») и щипковые музыкальные инструменты – «три экземпляра *думбры*, находящейся в употреблении у киргизов и калмыков», «две сербскохорватские *тамбуры*», а также арфообразные: олонецкая *кандала*, «литовский *кункл*» [канклес], чувашские *гусли*, «киргизская *ятага*», осетинская *арфа*.

В числе струнных ударных на выставке экспонировался «грузинский инструмент *десяплинито*» [цинцили], а среди ударных мембранофонов были забайкальские: «*кынгырык*» [хэнгэрэг] и «*дамара*» [дамари], употребляемые при буддийском богослужении; *хесе* (шаманский бубен), *пензер* (бубен самоедский).

Духовые инструменты были представлены в своих основных разновидностях:

а) амбушюрные («*лигавка*, употребляемая подлясами, живущим по р. Буг», «киргизская *цыбызга*» [сыбызгы], а также «*голин-бурэ*» [ухэр-бурээ] из Забайкалья – инструмент, применявшийся во время буддийского богослужения);

б) язычковые («литовская *бирбиния*» [бирбине], хорватские *дудочка* и *пишак*, «двойная свирель *дипле*», «буддийский *бишкур*» [бишхуур] – деревянная труба с медным мундштуком и раструбом, а также *волынки*: чувашская, болгарская и «словацкая *гайда*», губные гармошки);

в) флейтовые (польские глиняные свистульки в форме женщины, «литовский *скаудутас*» [скудутис] или флейта Пана из 12 трубок, литовская флейта *лумжезде*, малороссийская *сопилка*, флейта подлясская, флейта сербская, «сербскохорватская двойная флейта *фургуле*» [фруле]).

По своему содержанию и тем более значению для дальнейшего развития музыкальной фольклористики доклад явно «перерос» намеченные просветительские рамки. Фактически, это был первый в России энциклопедический обзор по народным музыкальным инструментам, созданный в недрах крупной научной организации. Труд принадлежал перу университетского профессора, специалиста в области акустики, крупного ученого-этнографа.

Доклад базировался исключительно на точных фактических данных, что, несомненно, было новым веянием в отечественной музыкально-этнографической науке конца 1860-х годов. Все инструменты были территориально атрибутированы. Зафиксированными оказались местные названия представленных инструментов,

область их географического распространения, указывалось, кем и откуда они были присланы. В дальнейшем развитие этой тенденции привело к постановке и разработке проблемы паспортизации полученного в результате собирательской работы материала.

Владимирским было показано устройство, конструкции инструментов, также был затронут вопрос использования их в реальной жизни (впоследствии музыкальные инструменты на выставке показывались как неотъемлемый элемент «обстановочных сцен» народного быта).

В докладе была представлена первая в России классификация народных инструментов, в построении которой исследователь опирался на последние научные достижения [5, 226–227].

Наконец, доклад Владимирского представляет собой один из немногих, но характерных для отечественной музыкальной фольклористики второй половины XIX столетия примеров «прорыва в будущее». В нем ясно обозначились контуры современной научной этноинструментоведческой концепции – и сам подход, и многие положения Владимирского предвосхитили знаменитую «Систематику музыкальных инструментов» Э. Хорнбостеля – К. Закса, ставшую основой для большинства работ XX века. В результате познавательная лекция превратилась в выполненное на высоком уровне исследование обобщающего характера с показом полученных с мест подлинников.

Доклад Владимирского явился средоточием одновременно нескольких сторон музыкальной науки, причем музыкальная фольклористика оказалась представленной в нем как одна из частей музыкознания в целом. В докладе обозначились важнейшие направления, определившие характер всей дальнейшей музыкально-фольклористической работы вплоть до настоящего времени. Все эти качества дают основание рассматривать доклад Владимирского как одну из важных вех в сложном и достаточно продолжительном пути перехода инициативы в изучении народной культуры от отдельных исследователей к крупным научным организациям.

Несмотря на кажущееся скромное место народной музыки, Этнографическая выставка 1867 года сыграла значительную роль в последующем развитии отечественной науки о музыкальном фольклоре. Сразу после проведения выставки при Обществе любителей естествознания был образован Этнографический отдел – новая организационная единица, органично

влившаяся в структуру Общества. Основание отдела стало возможным благодаря тому, что выставка «явилась своего рода базой для создания нового направления в деятельности Общества – этнографии. В ходе работы был собран корпус этнографических материалов, налажены контакты с научными обществами и комитетами как в Москве, Петербурге, так и на местах» [3, 14]. Крупнейшие специалисты – этнографы, филологи, юристы, входившие в состав Этнографического отдела, стали уделять музыкальному фольклору особое внимание. В результате с момента проведения выставки зарождавшаяся отечественная наука о музыкальном фольклоре оказалась вовлеченной в контекст изучения народной традиции в целом и получила мощный импульс для последующего развития.

В процессе подготовки выставки получили окончательное оформление основные направления работы Этнографического отдела ОЛЕАиЭ – собирательское, исследовательское и просветительское, которые затем легли в основу деятельности Музыкально-этнографической комиссии, многое заимствовавшей в своей организационной структуре и методах исследований от Этнографического отдела Общества.

Этнографическая выставка, таким образом, ознаменовала наступление нового периода, который сыграл значительную роль в зарождении и дальнейшем формировании отечественной музыкально-фольклористической науки.

Список литературы

1. Богданов В.В. Всеволод Федорович Миллер. К столетию со дня рождения (1848–1948). Очерк из истории русской интеллигенции и русской науки // Очерки истории русской этнографии, фольклористики и антропологии. – М., 1988. – Вып. X. – С. 110–174.
2. Богданов В.В. Очерк из истории русской интеллигенции и русской науки // Очерки истории русской этнографии, фольклористики и антропологии. – М., 1978. – Вып. VIII. – С. 39–55.
3. Васкул А.И. История русской фольклористики второй половины XIX – начала XX в. Проблемы источниковедения. дис. ... канд. филологич. наук. – СПб., 2009. – 376 с.
4. Владимирский А.С. О законах музыкальной гармонии и национальных инструментах, доставленных на этнографическую выставку // Сборник антропологических и этнографических статей о России и странах ей прилежащих, издаваемый В.А. Дашковым. – М., 1868. – Кн. 1. – С. 152–168.
5. Галайская Р.Б. Коротко о зарождении и развитии русского музыкального этноинструментария // Народные музыкальные инструменты и инструментальная музыка. – М. 1987. – Ч. 1. – С. 216–228.
6. Гладкова Т.Д. Антропологический отдел Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии // Очерки истории русской этнографии, фольклористики и антропологии. – М., 1963. – Вып. II. – С. 175–196.

7. Липец Р.С., Макашина Т.С. Роль Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии в организации русской этнографической науки // Очерки истории русской этнографии, фольклористики и антропологии. – М., 1965. – Вып. III. – С. 39–60.

8. Пятидесятилетие Императорского Общества Любителей Естествознания, Антропологии и Этнографии 1863–1913. – М., 1914–1915.

9. Этнографическая выставка Императорского Общества Любителей естествознания, антропологии и этнографии при Императорском Московском университете. // Известия ОЛЕАиЭ. – М., 1878. – Т. XXIX.

References

1. Bogdanov V.V. Vsevolod Fiodorovitch Miller. K stoletiyu so dnya rozhdeniya (1848–1948). Ocherk iz istorii russkoy intelligentsii i russkoy nauki. *Ocherki istorii russkoy etnographii, folkloristiki i antropologii*. Moscow, 1988. Vol. X. pp. 110–174.

2. Bogdanov V.V. Ocherk iz istorii russkoy intelligentsii i russkoy nauki. *Ocherki istorii russkoy etnographii, folkloristiki i antropologii*. Moscow, 1978. Vol. VIII. pp. 39–55.

3. Vaskul A.I. *Istoriya russkoy folkloristiki vtoroy polovini XIX – nachala XX veka. Problemi istochnikovedeniya*. St. Petersburg, 2009. 376 p.

4. Vladimírsky A.S. O zakonah muzikal'noy garmonii i o natsional'nih instrumentah, dostavlennih na etnograficheskuyu vistavku. *Sbornik antropologicheskikh statey o Rossii i stranah ey prilozhaschih, izdavaemiy V.A. Dashkovim*. Moscow, 1868. Vol. I. pp. 152–168.

5. Galayskaya R.B. Korotko o zarozhdinii i razvitii russkogo muzikal'nogo etnoinstrumentariya. *Narodnie muzikal'niye*

instrumenti i instrumental'naya musika. Moscow, 1987. Vol. 1. pp. 216–228.

6. Gladkova T.D. Antropologicheskiy otdel Obchshestva lyubiteley estestvoznaniya, antropologii i etnographii. *Ocherki istorii russkoy etnographii, folkloristiki i antropologii*. Moscow, 1963. Vol. II. pp. 175–196.

7. Lipets R.S., Makashina T.S. Rol' Obchshestva lyubiteley estestvoznaniya, antropologii i etnographii. *Ocherki istorii russkoy etnographii, folkloristiki i antropologii*. Moscow, 1965. Vol. III. pp. 39–60.

8. *Pyatidesyatiletie Imperatorskogo Obchshestva lyubiteley estestvoznaniya, antropologii i etnographii 1863–1913*. Moscow, 1914–1915.

9. Etnograficheskaya vistavka Imperatorskogo Obchshestva lyubiteley estestvoznaniya, antropologii i etnographii pri Imperatorskom Moskovskom universitete. *Izvestiya OLAiE*. Moscow, 1878. Vol. XXIX.

Рецензенты:

Тарасевич Н.И., доктор искусствоведения, профессор кафедры теории музыки Московской государственной консерватории имени П.И. Чайковского, г. Москва;

Ромашук И.М., доктор искусствоведения, профессор, проректор по научной работе Государственного музыкально-педагогического института имени М.М. Ипполитова-Иванова, г. Москва.

Работа поступила в редакцию 08.11.2013.